

Деструктивная роль механизма «политизация-деполитизация» в изменяющемся российском обществе

Ц.Ц. Чойропов

Разумеется, широкая и интенсивная, но обязательно социально обусловленная и ориентированная политизация общества неизбежна и конструктивна, если само общество испытывает в ней насущную потребность, например, оказалось в экстремальном политическом (подчеркнем!) состоянии: революция или контрреволюция, война, «особое положение», политический «застой» или «разброд» (хаос), политическая агрессивность «верхов» и покорность «низов», активность «мафии», тотальная спекуляция или коррупция и т.п. Вообще обществу постоянно необходим достаточный уровень политической зрелости и активности (политизированности). Нужна актуальная или потенциальная политическая мощь народа для надежного противостояния постоянным узурпаторским устремлениям бюрократического (государственно-административного, партийного и иного рода) аппарата – для профилактики или устранения узурпации народного суверенитета. Короче говоря – для сохранения и воспроизводства демократического способа бытия общества...

Политизация становится деструктивной на той стадии ее эскалации, которая уже отвечает не интересам общества и его положительной, конструктивной жизнедеятельности, а служит претенциозным устремлениям политизированных группировок, стремящихся вовлечь все или почти все подсистемы общества в этот процесс во имя своих групповых целей: борьба за власть и различные привилегии. В такой ситуации (если она возникает) общие конструктивные интересы подменяются групповыми, социальные проблемы искусственно «политизируются», люди отвлекаются от положительной работы и превращаются в политизированное средство

экстремистских группировок, а сами эти противоборствующие группировки стремятся «деполитизировать» (дискредитировать) друг друга. Так возникает состояние всеобщей конфронтации, главным способом и средством бытия которого оказывается механизм «политизация-деполитизация» («мотор» конфронтации). Это деструктивное, но не конструктивное, состояние. Оно как раз и было характерным признаком всей нашей реформы (не говоря уже о предшествующих периодах). А что дальше?

А дальше «так жить нельзя». Общество в таком или подобном состоянии долго существовать не может. Даже наше – российское, для которого, к сожалению, оказались характерными чрезмерно длинные деструктивные «паузы» (периоды между короткими конструктивными «передышками»). К тому же эти «периоды» (деструктивные состояния) смогли быть «выносливыми», адаптивными, способными к видоизменениям, модификациям (первая мировая война, серия революционных актов, интервенция, гражданская война, агрессивный тоталитаризм, разлагающий застой, плюрализированный разброд... все это – модификации действия механизма «политизация-деполитизация» в обществе). Дальнейшие «модификации» (эксперименты) могут оказаться непредсказуемыми: общество, народ, люди уже давно переутомлены ими.

Впрочем, наши экстремисты могут «подарить», по меньшей мере, два-три варианта продолжения названных «модификаций». Например: тот же тоталитаризм в обновленном («цивилизованном») виде; тот же хаос-разброд опять же в более «цивилизованном» (изощренном) виде – вплоть до распада «державы», а при ее сохранении – всеобщая (упаси, Бог) гражданская война (локальные-то уже бушуют); полуколониальное положение (былые полностью колониальные состояния – уже анахронизм для современного «цивилизованного» человечества)... Наконец – «смешанный» вариант (ведь «смешанные формы» признавали наиболее предпочтительными очень многие

мыслители всех времен, во всяком случае, начиная с Аристотеля; да и в жизни их немало). Но «смешанность» тоже разная бывает и может быть: наше общество скорее всего может оказаться в суррогатном состоянии (если в таком направлении пойдет реформа)...

Все это – варианты, разумеется, нежелательные. Мы бы сказали – гибельные. В нашей литературе прогнозируются и много иных (негативных и позитивных). Их так много, что не перечислить...

Немало уже было предложено на перспективу и официальных моделей. Все они всякий раз представлялись нашими руководящими штабами (научными и идеологическими) как единственно и абсолютно верные (безальтернативные). Даже лозунг «Реформе нет альтернативы!», сам по себе оставаясь незыблемым, уже не однажды «наполнялся» разным идеологическим и смысловым содержанием. И по-разному экспериментировался. Но все неоправдавшие себя пробы реформирования общества постигла одна общая участь: они зашли в тупик круговращения «политизация-деполитизация». Хотя бы потому, что разрабатывались, спускались и внедрялись «сверху», как всегда. Были, разумеется, и другие причины. Но мы акцентируем эту, поскольку она глобальная и традиционная.

Современная стадия реформирования особая – наиболее кризисная. Кризисная в том смысле, что полностью, наверное, созрела (если не перезрела) для какого-нибудь реального выхода. Ведь все тот же механизм «политизация-деполитизация» (а он ведь доминирует), кажется, предельно износился и начал (уже в который раз) патологическое круговращение, порождая драматические, близкие к катастрофическим, последствия едва ли не во всех подсистемах общества: экономической, культурной, нравственной, собственно политической и т.д., а в конечном итоге и в наиболее глубокой, сущностной – сугубо человеческой, социальной.

Какие могут быть «выходы»? Конкретно пока сказать трудно. Поскольку официальная координация ситуации осуществляется либо

«задним числом», либо методом «проб и ошибок», «прыжков с кочки на кочку», либо под давлением близких к двору группировок... Это – «сверху». А «снизу» ситуация увязла в «теневых» механизмах произвольного перераспределения народного достояния всеми возможными способами и средствами. Правда, теперь уже многие «теневые» детали этого механизма заиграли ярким многоцветием у всех на виду и все больше проявляют свою алчность и беспощадность по отношению к «рядовому» потребителю (он же и труженик «рядовой»).

Идет активное перевоплощение потребительных ценностей в товарные – «накопление капитала» патологическими методами, т.е. не путем интенсификации производства, а путем эскалации «обращения», перераспределения. Все это (не рынок ли давно обещанный?) уже происходит «внизу», пока «вверху» разрабатывается программа всеобщего перехода к регулируемому (или обычному) рынку с ... социальными «гарантиями». Их люди давно ожидают.

Однако, если введение всеобщего рынка будет и дальше осуществляться в рамках того же (пусть модифицированного) механизма «политизация-деполитизация» общества, то и все очередные обещания окажутся очень похожими (если не хуже) на предыдущие. Ведь рынок планировался именно «ввести», т.е. опять же разработать, спустить и внедрить. А ежели природа рынка действительно такова (как разъясняют многие экономисты), что он не нуждается в таких «услугах» и не примет их? Да заработает по своим собственным механизмам (частично они уже действуют)... Но ведь и традиционный, тем паче адаптированный к наличной ситуации, механизм («политизация-деполитизация») работает и без боя не сдается. А если предстоящий (точнее бы – продолжающийся) его «бой» с сугубо рыночным механизмом завершится эмпирическим «консенсусом», братанием? – Наверное, образуется суррогат, т.е. более изощренный «агрегат». Каким он будет и какие последствия повлечет?

Можно предположить, что «братание» состоится (такое уже

бывало, только нелегально, а теперь оно будет (уже стало!) легальным, узаконенным). И что «новый» механизм окажется системой (сферой) и средством борьбы и за политическую власть и за финансовую власть («торгово-финансовый капитал»). Борьбы между в принципе теми же (хотя появятся и дополнительные) политизированными группировками. Каждая из которых будет стремиться одновременно и «деполитизировать» (дискредитировать политически) и «декапитализировать» (ослабить экономически) друг друга. Оба названные, казалось бы, разные механизмы соединятся и срастутся, да и будут воспроизводить борьбу группировок за власть и богатство одновременно. Ведь власть и богатство – кровнородственные «сестры», может быть, даже «близняшки». Как и упомянутые «механизмы» (политический и финансовый) столь же родственные «братья». Образуется «семейство» хотя и далеко не «святое», но обязательно «полюбовное» – без «принудительного бракосочетания»...

На первый взгляд, вроде бы так и надо?! Ведь примерно такое состояние и прогнозируется ныне многими теоретиками: соперничество, конкуренция – и политическая, и экономическая, и всякая иная, производная... Как в «цивилизованном мире». Так-то оно так, да все же не совсем.

Если даже не заводить речь о той самой «народной массе» («неполитизированных» трудящихся, т.е. занятых своей насущной положительной работой во всех общественных сферах), которая образует два основных сословия (тоже конкурирующих между собой, только по поводу насущного труда и хлеба) – наемных работников и безработных (об этом уже много написано), то и в таком случае остается без ответа принципиальный вопрос. А именно: реформирование общества в рамках и посредством механизма «политизация-деполитизация» (или при его доминировании) зайдет в тупик, и сам переход к свободному рынку не состоится? Это – вопрос-тезис. Потому что названный механизм (борьба группировок за

политическую и финансовую власть) не позволит реформе углубиться в сущностные – сугубо человеческие, социальные проблемы (они останутся производными, сопутствующими, периферийными). Тот механизм будет удерживать реформу на поверхности (что и было до сих пор), на уровне институциональных и функциональных изменений... Впрочем, все это уже жестокая эмпирия...

Система «политизация-деполитизация», сколько бы она ни варьировалась, сама по себе не содержит сущностного, глубинного противоречия – источника саморазвития общества как многообразно сложного, но целостного социального организма. Она (эта система) лишь фиксирует противоборствующие «стороны» (группировки) с их произвольными, субъективированными (часто-амбициозными) устремлениями. Она фиксирует случайные (ситуационные, конъюнктурные) и поверхностные (внешние) противостояния, несовпадения (формальные противоречия). – Конфронтацию, которая сама по себе еще не имеет единого начала и не приводит к единству многообразного. Потому-то такие противоречия, замкнутые в названной «системе», не содержат внутреннего импульса движения и не готовы (не способны) к положительному разрешению с положительным результатом для общества.

Иначе говоря, в таких (конфронтационных) противоречиях «стороны» не взаимодействуют, а сталкиваются, поскольку импульсы их взаимосвязи не внутренние, а внешние. Отсюда их взаимосвязь («столкновение») есть не взаимопроникновение, а взаимоотталкивание. Отсюда (далее) процесс, точнее динамика и последствия их взаимосвязи не конструктивная, а деструктивная.

Дело в том, что люди, их объединения (группировки), противостоящие друг другу в системе «политизация-деполитизация», находятся во взаимоотношениях, как правило, лишь своими политизированными функциями. Такое их состояние (функционирование) в рамках названной «системы» есть состояние

частичное, «урезанное», моментное, короче – отчужденное: политизированная функция (разыгрываемая роль) господствует над социальной сущностью человека, коллектива как чуждая ей, внешняя сила. Сила, заслоняющая и искажающая, размывающая и нивелирующая социальную целостность и неповторимость человека, коллектива.

В близком к такому (социально отчужденному) состоянию рискуют оказаться (и частенько оказываются) так называемые «сторонники» противоборствующих «сторон», т.е. – попадающие в круговорот механизма «политизация-деполитизация». Ведь именно этот «механизм» (несмотря на его многообразные модификации) формировал и формирует (то «кнутом», то «пряником») аморфное и растекающееся теневое сословие карьеристов, подхалимов, приспособленцев, доносчиков, верноподданных официозов... А в конечном счете – чиновничий аппарат (он, по всей видимости, у нас взамен «сокращения» колоссально разрастается и «расплывается» в многообразных плюрализированных формах)...

Короче говоря, когда сутью или главным способом бытия индивидов и группировок, официальных органов и институтов становится функционирование в структуре механизма «политизация-деполитизация», тогда они оказываются в социально отчужденном состоянии. А такой способ их функционирования, соответственно – в отрицательном (со знаком «минус») отношении к самой социальной действительности. – К социальным потребностям и проблемам общества, народа, человека. Официальные органы и институты бюрократизируются, должностные лица становятся чиновниками, «неформальные» группировки и их функционеры «политизируются» (одна из форм бюрократизации)...

Но ведь человек, человеческий коллектив и способы их жизнедеятельности по своей природе и сути, по призванию и притязанию универсально и уникально социальны. Даже собственно политический аппарат по своей основе и назначению социален, в

конечном счете призван служить обществу, людям (в противном случае он бюрократизируется). Вот здесь-то и содержится действительное противоречие: между уровнем социальности и политичности общества, между процессами его политизации и социализации. А в этом противоречии таится действительная проблема – проблема социализации общества и всех его подсистем, в том числе – политических.

Стало быть, поверхностные, неразвитые противоречия (конфронтация) в системе «политизация-деполитизация» имеют две расходящиеся тенденции. Одна из них ведет к нагнетанию противоборства политизированных группировок, все более «возвышающихся» над социальной реальностью (т.е. «десоциализирующихся») и превращающихся во внешнюю силу по отношению к ней. Это – путь деструктивный и тупиковый. Другая тенденция ведет к социализации (гуманизации) противоборствующих группировок и всех политизированных явлений: обретение ими социальной основы и конструктивного взаимодействия, ориентированного на социальные проблемы. Это – путь выхода из тупикового состояния конфронтации и отчуждения, действительный способ обновления общества.

Такая тенденция (если она становится реальной) переводит поверхностное, неразвитое противоречие «политизация-деполитизация» в противоречие глубинное, сущностное «политизация-деполитизация». Оно способно к прогрессирующему развитию и конструктивному разрешению с положительными результатами.

Ведь возможности политических группировок и институтов не беспредельны даже в структуре собственно политической сферы: их функционирование вне детерминации социальными потребностями общества и человека ведет к кризису политической системы. Их же произвольное вмешательство (силовое воздействие) в иные сферы общественной жизни может вызвать кризис всего общества. (То и

другое у нас уже было и частично остается поныне).

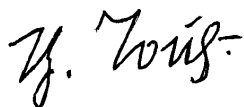
Беспредельная политизация, сама по себе, дает противоположные следствия: вместо дебюрократизации административного аппарата – бюрократизация общества, вместо демонтажирования административного тоталитаризма – тоталитаризацию всей общественной жизни, вместо политической координации общественных процессов – политическую дестабилизацию и анархию в обществе, вместо повышения политической активности граждан – их отвлечения от положительной жизнедеятельности и вовлечение в состояние всеобщей конфронтации...

Деполитизация же общества или отдельных его подсистем не способна противостоять такой политизированной стихии, но напротив может усугубить состояние хаоса, увеличить шансы экстремистов (аппаратных и внеаппаратных) на произвол. Вообще «деполитизированное общество» в современных условиях – это абстракция, утопия. Если же общество оказывается в таком состоянии, то оно неизбежно становится жертвой экстремистских группировок (аппаратных или оппозиционных, а то и их политизированного блока). Именно в этих целях изобретаются и используются доктрины, лозунги «деполитизации».

Деполитизация – лишь покорная слуга, заложница агрессивной политизации, ее двойник и средство. А сама эта оппозиция («политизация-деполитизация») либо наивная иллюзия, либо подвох, политизированное жульничество...

Действительной положительно-созидательной и прогрессивной оппозицией политизации, реальным способом погашения и снятия ее претенциозности и агрессивности, а вместе с тем способом реализации ее конструктивных возможностей, является непрерывный и непреходящий (вечный) процесс социализации общества и всех его подсистем, человека и всех видов его жизнедеятельности (в том числе – политической). Это – процесс действительного (а не иллюзорного) снятия социального отчуждения (самоотчуждения) общества и

человека. Отчуждения многообразного, в том числе – политизированного. Ведь социальность, человечность – первозданный и вечный смысл жизни людей, сущностный способ их бытия и самовоспроизведения...

Ю. Жиг.

29.10.2013 г.